

1-го января 1919 года, скончался от ран, один из основоположников Белой борьбы — генерал-майор Михаил Гордеевич Дроздовский, который одним из первых, не только откликнулся на призыв генерала Алексеева, но единственный из командиров всех рангов и степеней Русской Армии сформировал в Румынии и привел на Дон отряд почти равный по численности Добровольческой Армии.

М.Г. Дроздовский, сын генерала, участника Севастопольской обороны, родился 7 октября 1881 г. в г. Киеве. Окончив Киевский кадетский корпус и Павловское военное училище, М. Г. в 1901 г. был произведен в подпоручики и вышел в лейб-гвардии Волынский полк. В 1904 г. он поступил в Академию Генерального штаба, но по объявлению Японской войны, немедленно оставил Академию и прикомандировался к 34-му Восточно-сибирскому стрелковому полку, в рядах которого провёл всю войну, получил несколько боевых наград и под Ляояном был ранен в ногу. По окончании войны М. Г. вернулся в Академию, которую и окончил в 1908 г. Отбыв ценз командования ротой в родном полку, М. Г. занимает ряд штабных должностей, сначала в штабе округа в Харбине, а затем в Варшаве.

Но его действительная натура не могла примириться с чисто канцелярской штабной работой, с невозможностью проявлять инициативу. В 1912 г. он хлопочет о командировании его на Балканскую войну, но хлопоты его остаются безрезультатными, в 1913 г. он поступает в Севастопольскую авиационную школу, где изучает наблюдение с аэропланов.

Начало первой мировой войны капитану Дроздовскому приходится провести в штабе Северо-Западного фронта, что его очень тяготит. После долгих хлопот ему удается попасть в штаб 27-го армейского корпуса и осенью 1915 г., с производством в подполковники — М. Г. назначается начальником штаба 64-ой пехотной дивизии. Наконец, он смог в более широком масштабе проявить свою инициативу. Не в пример другим начальникам штабов, стремившихся издали управлять по карте, полковник Дроздовский проводит целые дни на позиции, организует, контролирует и, когда нужно, лично водит части в атаку. Так 5 сентября 1916 г., он во главе 254-го Николаевского полка берёт сильно укрепленную гору Капуль, защищающую Кирлибабский проход, причем был тяжело ранен в правую руку.

В январе 1917 г. не совсем оправившись от ран, подполковник Дроздовский вернулся в строй, был произведен в полковники, с назначением начальником штаба 15-ой пехотной дивизии. Там застала его революция, которая, по мнению Дроздовского, вела к гибели России.

«Вы положились на армию», писал он в первые «восторженные дни великой и бескровной» «а она не сегодня, завтра начнет разлагаться, отравленная ядом политики и безвластия...»

Долгожданная мечта полковника Дроздовского получить полк, наконец, осуществилась: 6 апреля он был назначен командиром 60-го пехотного Замосцкого полка. Но, в революционных условиях это командование не принесло радости, не дало поля для творческой работы. Положение Дроздовского в полку стало очень острым с первых же дней командования — он никому не давал потачки, говорил солдатам горькие истины и высказывал все свое пренебрежение к пресловутым советам.

«С души воротит», — писал он, наблюдая, — «как вчера подававшие всеподданнейшие адреса, сегодня пресмыкаются перед чернью. Несомненно, что нетрудно было бы поплыть по течению и заняться ловлей рыбы в мутной воде революции, но моя спина не

так гибка и я не так малодушен, как большинство наших. Конечно, проще было бы оставить всё и уйти, проще, но нечестно. Я никогда не отступал перед опасностью, никогда не склонял перед ней своей головы и поэтому я останусь на своем посту до последнего часа».

И Дроздовский до конца старался сохранить славное имя полка и заставить своих солдат сражаться. Еще 11-го июля у Марешешти его полк берет 10 орудий, но вскоре деморализованная, трусливая масса, не поддававшаяся управлению, при малейшей возможности покидала окопы.

1-го августа, при небольшом нажиме немцев полковник Дроздовский видел поголовное бегство своего полка. Тогда он решил покончить со свободами и приказал бить и стрелять беглецов. Были приняты самые крутые меры: офицеры наблюдали за цепями с револьверами в руках, позади были поставлены разведчики и пулеметы и всякая попытка к бегству встречалась огнем. Благодаря этому, позиция была удержана и немцы, встретив отпор, не дерзали на новую атаку. Затем Дроздовский устроил суд и расправу и начал забирать полк в руки. В это время он получает, по давнишнему представлению, орден Св. Георгия 4-ой степени.

Настал большевицкий переворот. Помимо своего желания Дроздовский был назначен начальником 14-ой пехотной дивизии. Но на фронте развал дошел до последнего предела и бороться с ним стало совершенно бесполезно.

«Россия погибла, наступило время ига, неизвестно на сколько времени — это иго горше татарского», записывает полковник Дроздовский, 11 декабря, в своем дневнике. Он складывает с себя звание начальника 14 пехотной дивизии и уезжает в Яссы. Здесь он ориентируется в политических делах, видится с представителями Московского Центра и иностранными военными агентами, с полковником Троцким, прибывшим от генерала Алексеева. Дроздовский стучится в двери штаба Румынского фронта, уговаривая, убеждая, умоляя создать добровольческие части для борьбы с большевиками, для помощи генералу Алексееву. Но штаб фронта остается глух к набату Дроздовского.

Дело в том, что главнокомандующий Румынским фронтом генерал Щербачев, под известным давлением союзных миссий, имевших большое влияние в Румынии, принял предложение Украинской Центральной Рады сформировать из войск Румынского и Юго-Западного фронтов, особую Украинскую армию для борьбы с Центральными

державами. Предприятие явно фантастическое: у Рады не было никаких средств заставить сражаться солдат, которые и вообще воевать не хотели за чужую им идею какой-то самостоятельной Украины.

Но наши союзники хватались за каждую соломинку — им нужно было как-то остановить поток германских дивизий, который после большевицкого переворота устремился с Русского фронта на Западный. В этом, конечно, и лежала основная и единственная причина их интервенции 1918 г. Прямое или косвенное влияние мировой войны красной нитью проходит через всю гражданскую войну. Вмешательство в неё и наших союзников и наших врагов имело место тогда, когда это диктовалось интересами мировой войны и ее ликвидации. Вне этого, интервенция, с их точки зрения, не оправдывала неизбежно связанных с нею жертв. И как только мировая война окончилась — значение России, для наших союзников и для наших врагов, сразу упало почти до нуля. Романтика в политике в XX столетии несомненно являлась анахронизмом и строить на ней расчеты не приходилось и не приходится.

К сожалению этой романтикой, этой пресловутой «верностью к нашим союзникам» были заражены верхи, да и не только верхи нашей армии, в том числе и штаб Румынского Фронта. Полковник Дроздовский, один из немногих, трезво смотрел на вещи и отдавал себе отчет, что когда им будет выгодно, наши союзники нас и продадут и предадут. Своя рубашка ближе к телу — Россия прежде всего и на пути к ее спасению нужно и должно использовать и союзников и врагов.

Потерпев неудачу в попытке толкнуть штаб Румынского фронта к формированию антибольшевицких частей, Дроздовский решает взять на себя эту тяжелую задачу. 16 декабря 1917 г. он начинает в Яссах формирование своего отряда. Начинается вербовка среди офицеров, проезжающих с фронта через Яссы, направляются вербовщики в Кишинев, Одессу, Киев и другие южные города. Сам полковник Дроздовский едет в Одессу и выступает там на собрании офицеров.

«Я прежде всего», — говорит полковник Дроздовский, — «люблю свою Родину и хотел бы ей величия. Ее унижение — унижение и для меня, над этими чувствами я не властен и пока есть хоть какие нибудь мечты — я должен постараться сделать что-нибудь; не покидают того, кого любишь в минуту несчастья, унижения и отчаяния. Еще другое чувство руководит мною — это борьба за культуру, за нашу русскую культуру».

Безусловно, формирование своего отряда полковник Дроздовский производит с согласия штаба Румынского фронта, но последний делает вид, что ему ничего об этом неизвестно и во всяком случае помощи не оказывает. Ни оружия, ни хлеба, ни одной банки консервов из ломящихся складов Румынского фронта получить полковнику Дроздовскому не удастся, штаб фронта старался сохранить невинность перед Украинской Радой, относящейся весьма враждебно во всяком не украинским формированиям.

Вооружались и снабжались добровольцы сами, останавливая эшелоны и мелкие части, уходившие самовольно в тыл и отбирая у них оружие и продовольствие. Действовали, при этом, решительно, смело и подавляли всякую попытку к сопротивлению. 12 января 1918 г. Центральная Рада провозглашает самостоятельность Народной республики и вступает в переговоры с Центральными державами о заключении мира. Оставшись у разбитого корыта союзные миссии и генерал Щербачев резко меняют свое отношение к добровольческим формированиям — широко открываются интендантские склады и отпускаются денежные суммы.

24 января генерал Щербачев решает расширить формирование Добровольческих частей, начатое Дроздовским. Но, к сожалению, инспектором добровольческих формирований назначается генерал-лейтенант Кельчевский, а полковнику Дроздовскому, инициатору и создателю всего, отводится скромная роль командира 1-ой бригады. Начинается формирование 2-ой бригады в Кишиневе, намечается 3-я в Белграде. Генерал Кельчевский и его начальник штаба генерал-майор Алексеев начинают кипучую канцелярскую деятельность, не принимая во внимание всё время меняющуюся политическую обстановку: разрабатываются штаты, создаются и пухнут всевозможные штабы. Пополнение же строевых частей идет слабо. В Румынии, как и на Дону поступать добровольцами господа офицеры уклоняются под разными предлогами. Полковник Дроздовский всегда настаивал, чтобы генерал Щербачев отдал приказ по фронту, предписывавший всем офицерам, с надежными солдатами явиться в Яссы для поступления в добровольческие части. Рядовое офицерство не разбиралось в политической обстановке, привыкло повиноваться и ждало приказа. Отдать этот приказ генерал Щербачев так и не решился, хотя отдать его было нужно еще в начале ноября.

27 января, Центральная Украинская Рада заключает мир с немцами и последние начинают оккупировать Украину; румыны занимают Бессарабию. Полковник Дроздовский настаивает на немедленном уходе добровольческих частей за Днестр, но штаб генерала Кельчевского этому всячески препятствует. Так тянется до половины февраля, когда генерал Щербачев и Кельчевский решают, что при создавшейся политической обстановке дальнейшее существование добровольческой организации бесцельно. Отдается приказ о роспуске бригад. Генерал Белозор распускает 2-ю

Кишиневскую бригаду, но Дроздовский категорически отказывается выполнить приказ. Он сосредотачивает свои части в Соколах, предместье Ясс и требует эшелоны, для перевозки бригады в Кишинев. Румыны, поддерживаемые украинским послом Галибом, в течении недели всеми средствами стараются задержать выход. Теперь им приходится играть уже немецкую скрипку.

Два раза они подтягивают в Соколы свои пехотные части для разоружения бригады — и каждый раз полковник Дроздовский разворачивает против них свои цепи. В пару с румынами действует и штаб генерал Кельчевского. Начальник его штаба генерал Алексеев ведет пропаганду среди офицеров бригады, призывая их не слушаться «авантюриста» Дроздовского. Придет время и другие жалкие люди, без смелости и дерзновения, будут называть авантюристом и изменником великого русского патриота, основателя Добровольческой армии, генерала Михаила Васильевича Алексеева, за старческой спиной которого они спасли свои жизни.

Несмотря на угрозы румын и уговоры штаба фронта, Дроздовский твердо решил пробиваться с оружием в руках. Он заявил, что в случае попытки разоружения он откроет из своих орудий огонь по Яссам и Королевскому Дворцу. И если дело не дошло до вооруженного столкновения, то только потому, что румынские власти поняли, что в лице полковника Дроздовского они натолкнулись на действительно решительного человека, готового идти до конца. Они выдали бригаде снаряды, бензин и предоставили поездные составы.

28-го февраля, полковник Дроздовский с автоколонной и броневыми автомобилями перешел старую Русскую границу в Унгени. Начался 2-х месячный — ДРОЗДОВСКИЙ поход. В Кишиневе Дроздовский сделал последнюю попытку увлечь в поход 2-ю бригаду, готовый войти в подчинение генералу Белозору, лишь бы поскорее помочь генералу Алексееву. Но, Белозор, боясь ответственности и риска, сослался на приказ о роспуске, назвал поход на Дон безумной авантюрой и удержал офицеров своей бригады.

В Дубоссарах, на левом берегу Днестра, была окончательно установлена организация отряда. Его состав: стрелковый полк — 3 роты, конный дивизион — 2 эскадрона, легкая 4-х орудийная батарея, конно-горная — 4-х орудийная батарея, мортирный взвод — 2 гаубицы, 3 броневых автомобиля, техническая часть и лазарет. Всего — около 1.050 человек.

7-го марта отряд выступает из Дубоссар. Цель одна — соединение с Добровольческой армией генерала Алексеева, которая, по слухам, где то на Дону. Впереди неизвестность и 1.000 верст пути. Больше всего беспокоят Дроздовского австро-германцы, их эшелоны уже идут через Раздельную на Одессу и из Киева на Екатеринослав и Лозовую. Нужно было выступить, по крайней мере, на две недели раньше.

«Но жребий брошен», — пишет полковник Дроздовский. — «Нам предстоит далекий путь и в этом пути будем временно избегать столкновений с немцами, вести политику налево и направо, огрызаться на одних, драться с другими и через потоки своей и чужой крови пойдем безстрашно и упорно к заветной цели».

Железная дорога Раздельная-Одесса пройдена беспрепятственно. С австрийцами, а потом с немцами установились отношения вооруженного нейтралитета и настороженности, но не лишенных взаимного уважения. Австро-германские офицеры понимали и сочувствовали тому тяжелому положению, в котором оказались русские офицеры, выполнявшие свой долг перед Родиной. Во всех столкновениях Добровольцев с украинцами немцы, не стесняясь, выражали свое презрение к своим невольным союзникам. В Мелитополе начальник штаба 15-й германской резервной дивизии, в частном разговоре с полковником Дроздовским, дал ему совет скорее уходить, так как Украинская Рада настаивала на разоружении его отряда. Добровольцы же ценили джентльменское отношение немцев и их готовность всегда помочь раненым добровольцам.

Отношение населения к отряду было, в большинстве случаев благожелательным. Крестьянская масса, особенно хуторяне, стонали от насилий и грабежей банд, называвших себя то большевиками, то петлюровцами. Поэтому приход отряда, который платил пунктуально за всё, встречали с радостью и облегчением. Просили остаться, навести порядок, наказать виновных. Даже еврейское население многочисленных местечек, относившееся принципиально недоброжелательно к отряду, только потому, что это был офицерский отряд, распространявшие про добровольцев всякие нелепости и занимавшиеся доносами австрийцам — начали видеть в отряде единственную защиту и обращаться к нему за помощью.

Но были сёла, окончательно обольшевичившиеся с их советами и красной гвардией. Они мучили и убивали офицеров, попадавших в их руки, нападали на хутора и другие сёла. Так в селе Долгоруково, около местечка Новый Буг, крестьяне перебили группу офицеров и солдат 84-го Ширванского полка, возвращавшихся со знаменем полка на Кавказ. В таких случаях расправа была всегда быстрой и жестокой.

Благодаря решительным действиям Дроздовского, грозная слава окружала отряд и наводила панический страх на красногвардейцев. Силы его иначе не считались как десятками тысяч. Даже немцы были уверены, что в отряде не меньше 5.000 с сильной артиллерией.

Отряд быстро продвигался вперед. Менялась погода — ранняя весна, затем снова удар или морозы и, наконец, наступила оттепель. С трудом вытаскивали орудия и повозки из черноземной грязи, пришлось бросить автомобили. Люди, измучились, просили отдыха, но полковник Дроздовский непреклонно шел вперед — он спешил, раньше немцев, захватить переправу через Днепр.

Всегда впереди отряда, на сером Россинанте, с пехотной винтовкой за плечами, в подбитой ветром шинелишке, ехал полковник Дроздовский. Худой и нервный, он был похож на средневекового монаха, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень. Замкнутый в себе, всегда одинокий со своими мыслями и с тяжелой ответственностью, которая лежала на его плечах, он думал обо всём, вникал во всё.

Постепенно, исподволь он натягивал вожжи, заставил господ офицеров вспомнить забытую ими дисциплину и офицерские отношения. Прекратил суровыми мерами своеволие, заставил, по суду чести, драться на дуэли за пощечину, причем виновник был убит и, по суду же чести, выгнал из отряда офицера, который сам спасся, не поддержав своего товарища поручика князя Шаховского, убитого в соседнем селе комитетчиками.

И на всем пути поиски денег, этого главного нерва всякого дела, денег, которых так мало уделил штаб Румынского Фронта; заботы о привлечении добровольцев, их обучении и вооружении; выступления перед десятками сотен офицеров всех этих Бердянсков, Мариуполей, Таганрогов, горячие призывы, которые давали только десятки добровольцев. И бесконечные переговоры со всевозможными общественными деятелями.

«Теперь в самом центре борьбы», — пишет полковник Дроздовский, — «я вполне понял как ничтожны, бездарны и бессильны наши общественные деятели и политики, наши имена и авторитеты. Они ничего не понимают, как не понимали до сих пор и ничему не научились. Ведешь с кемнибудь переговоры и не понимаешь, кто он — деятель или

пустое место. Я безумно устал, измучился от этой вечной борьбы с человеческой тупостью и малодушием, но повторяю: как часовой с поста своего я всё же не уйду».

За Мелитополем подтвердились сведения, что весь Дон занят большевиками, что генерал Корнилов убит и, что Добровольческая Армия истекает кровью в непрерывных боях, где-то на Кубани. Падала цель похода, напрасны все труды и лишения. Есть от чего пасть духом. «И все же вперед», — решает полковник Дроздовский, — «я с поста не уйду». Но посту его сменила только смерть...

Тяжелый, неравный бой под Ростовом, где выбило из строя больше 100 добровольцев и пал смертью храбрых начальник штаба отряда полковник Михаил Кузьмич Бойналович, единственный человек, по словам Дроздовского, кто мог его заменить. Но этот бой сыграл большую роль — от оттянул от Новочеркасска главные силы красных и дал Донцам возможность занять свою столицу. Отход на Чалтырь и немедленный бросок на помощь осажденному Новочеркасску и торжественный вход в освобожденный город 25-го апреля.

26-го Апреля, полковник Дроздовский, издал свой исторический приказ, в этом приказе весь Дроздовский, весь его символ веры.

ПРИКАЗ

1-ой Отдельной Русской Бригады Добровольцев 26-го апреля 1918 г. — г. Новочеркасск.

26-го апреля, части вверенного мне Отряда вступили в г. Новочеркасск, вступили в город, который с первых дней возникновения Отряда был нашей заветной целью, целью всех наших надежд и стремлений, — обетованной землей.

Больше 1.000 верст пройдено вами походом, доблестные Добровольцы; не мало лишений и невзгод перенесено, не мало опасностей встретили вы лицом к лицу, но верные своему слову и долгу, верные дисциплине, безропотно, без празднословия шли вы упорно вперед по намеченному пути, и полный успех увенчал ваши труды и вашу волю; и теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить всё, что творилось в Яссах и Кишиневе, вспомнить все колебания и сомнения первых дней пути, предсказания различных несчастий, все нашептывания и запугивания окружавших нас малодушных.

Пусть же послужит это нам примером, что только СМЕЛОСТЬ и ТВЕРДАЯ ВОЛЯ творят большие дела и что только непреклонное решение дает успех и победу. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело высокие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы. Другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру.

Еще много и много испытаний, лишений и борьбы предстоит Вам впереди, но в сознании уже исполненного большого дела, с великой радостью в сердце, приветствую я Вас, доблестные Добровольцы, с окончанием Вашего исторического Похода.

Полковник ДРОЗДОВСКИЙ

Тотчас же по прибытии в Новочеркасск Дроздовский донес командующему Добровольческой Армией: «Отряд прибыл в Ваше распоряжение. Ожидаю приказаний».

Отряд простоял в Новочеркасске ровно месяц. Как в далекой Скинтеи уклад его частей было принаровлен к нормам военных училищ. Ежедневно велись занятия и поддерживалась строгая дисциплина. Особенно неумолим в этом отношении был командир Стрелкового полка полковник Жебрак. Но для самого полковника Дроздовского отдыха не было. Главной его заботой было привлечение наибольшего количества Добровольцев — он читал лекции о целях Добровольческой армии, писал

многочисленные воззвания, основал первую газету «Вестник Добровольческой армии» и так хорошо наладил вербовочные бюро на Юге России, что 4/5 пополнения в Добрармию шло первое время через его агентов.

Относясь весьма скептически к «общественным деятелям», он все же умея с ними разговаривать и выжимать из них, что можно на общее дело. С помощью своего друга, профессора Напалкова, он организовал в Ростове госпиталь «Белого Креста», который до конца оставался лучшим в Армии. Сейчас же по прибытии в Новочеркасск, он устроил для своих Добровольцев раненых под Ростовом прекрасный лазарет в Краснокутской роще и, как только позволяло ему время, он навещая раненых, интересовался здоровьем каждого и старался каждому сделать приятное. Не признавая спиртных напитков, он все же привозил в лазарет и вино и коньяк.

«У него не было личной жизни», — напишет потом о нем генерал Деникин, — «все мысли и заботы он отдавал своей дивизии, говорил о ней, о своем детище с юношеской горячкой и любовью».

Его Добровольцы платили ему той же монетой. ПОЛКОВНИК Дроздовский сумел наладить настолько прекрасные отношения с Донцами, что генерал Краснов усиленно предлагал ему остаться на Дону и составить самостоятельную армию. Но, получив приказ генерала Деникина о присоединении, полковник Дроздовский, немедленно выступил из Новочеркасска.

26-го мая, в яркий солнечный день в станице Мечетинской произошла встреча Добровольческой армии с отрядом полковника Дроздовского. Старый вождь генерал Алексеев, обнажив свою седую голову, отдал низкий поклон «рыцарям духа»: «Мы были одни», — сказал он, — «но далеко в Румынии билось русское сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним к нам на помощь. Вы влили в нас новые силы».

Дроздовский привел с собой около 3.000 человек прекрасно вооруженных и снабженных, с тремя батареями, 2 автоброневиками, аэропланами, радиотелеграфом; дал армии 1.000 винтовок, 200.000 патронов и 8.000 снарядов. Армия почти удвоилась.

Став в станицу Егорлыкскую, отряд был переименован в 3-ю дивизию Добрармии, в составе стрелкового полка, получившего название 2-го Офицерского стрелкового полка, 2-го Конного офицерского полка, лёгкой и гаубичной батарей. Конно-горная батарея капитана Колзакова была переведена в 1-ю Конную дивизию и навсегда вышла из состава Дроздовских частей.

Присоединение отряда дало возможность начать наступление, открыв для Армии победную эру. Наступление началось 10 июня.

3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского всегда от Торговой до Екатеринодара действовала в центре, наступая в лоб вдоль железной дороги и всегда несла поэтому большие потери, особенно от красных бронепоездов. Эту честь, атаковать всегда в лоб, командование ей оказывало вероятно потому, что в сравнении с другими дивизиями у нее было на 2 гаубицы больше. Под Белой Глиной 2-й офицерский полк наткнулся на всю 39-ю дивизию красных. В ночной атаке 2-й и 3-й батальоны потеряли больше 400 человек, из них 100 убитыми. Многие, как и сам командир полковник Жебрак были зверски замучены. Взяв Белую Глину и несколько тысяч пленных, полковник Дроздовский произвел 1-й опыт: из пленных и мобилизованных он сформировал 1-й Солдатский полк, переименованный, впоследствии в Самурский. Этот полк, начиная уже с Тихорецкой, принял доблестное участие во всех боях Добровольческой армии.

Еще в Яссах полковник Дроздовский просил генерала Щербачева отдать приказ офицерам явиться для формирования антибольшевицких частей. Он не особенно верил в добровольчество, в добрую волю людей умирать, хотя бы и за идею. Жизнь показала, что он был прав. И в то время, как большевики прибегли к мобилизации и перешли на регулярную армию — Командование Добровольческой Армии нашло опыт полковник Дроздовского пока еще не своевременным.

1-го июля пала станица Тихорецкая. 3-я дивизия, опять вдоль железной дороги, двинулась на Екатеринодар и 14-го заняла станицу Динскую, но утром 15-го советский главнокомандующий Сорокин захватил в тылу станицу Кореновскую. 1-ая и 3-я дивизии Добровольческой Армии были отрезаны и окружены. 10 дней шли упорные, кровопролитные бои — 3-я дивизия потеряла 30 % своего состава. И только 25 июля наступила развязка: в течении 5 часов 3-я дивизия вела двухсторонний горячий бой, Дроздовский лично водил в атаку «солдатские роты». Большевики были окончательно разбиты.

2-го августа был взят Екатеринодар и 3-я дивизия растянулась по р. Кубани от станицы Пашковской до станицы Григополийской на 180 верст, 14-го красные во многих местах форсировали реку, но Дроздовский отбил все атаки и у станицы Кавказской, отрезав большевиков от переправы, перетопил их в реке. Ему удалось, сначала перебросить 2-й Конный полк, а затем и всю дивизию на левый берег реки Кубань и связаться с 1-й Конной дивизией.

В районе Армавир — ст. Михайловская начались кровопролитные бои. 6-го сентября полковник Дроздовский захватил г. Армавир, но 13-го принужден был его оставить; он контратаковал 14-го, но понес большие потери, успеха не имел. Переброшенный в район станицы Михайловской, он совместно с 1-ой Конной дивизией генерала Врангеля ведет упорные бои с красными с 17-го сентября по 1-го октября.

За полтора месяца с 15-го августа — 3-я дивизия потеряла убитыми и ранеными 1.800 человек — 75 % своего первоначального состава. Переброшенная на правый берег Кубани дивизия, вместе с приданными ей пластунами заняла с 2-го октября фронт от Армавира до ст. Темнолесской. Здесь на нее, растянутую в цепочку навалилась Невиномысская группа красных, перешедшая в наступление на север. Это было начало 28-ми дневного, решительного для Армии, сражения под Ставрополем. Дроздовскому предстояло одному, до подхода 2-й пехотной дивизии и 2-й Кубанской всемерно задерживать большевиков.

14-го октября, несмотря на подход Корниловского полка, пришлось сдать Ставрополь и отойти к Пелагиаде. 23-го группа генерала Боровского (2-я и 3-я пехотная дивизии) перешли в наступление. Стремительной атакой 2-й Офицерский полк занял монастырь Св. Иоанна и предместье города. Добровольческое кольцо сжималось со всех сторон вокруг Ставрополя и красное командование решило прорвать блокаду.

29-го октября силы Таманской армии большевиков обрушились на 3-ю дивизию, понесшую громадные потери и захватили монастырь. Здесь был тяжело ранен доблестный Командир Самурского полка полковник Шаберт.

31-го, на рассвете, в густой туман, красные повторили удар, перейдя в наступление всеми силами против группы генерала Боровского. На этот раз, совершенно растерявшиеся полки 2-й и 3-й дивизии, не выдержали и отошли к Пелагиаде. В самых цепях 2-го Офицерского полка был ранен в ступню ноги полковник Дроздовский и с

трудом вынесен с поля боя. Убит был и командир Корниловского Ударного полка полковник Индейкин. Во 2-ом Офицерском полку осталось налицо —150 человек. Люди гибли, но оставалась традиция, оставалась идея борьбы, которая передавалась вновь прибывшим и через 1 1/2 месяца в Донецком бассейне полки Дроздовского снова будут непоколебимо стоять в бою.

Но сам полковник Дроздовский, перевезенный в Екатеринодар будет два месяца бороться со смертью. Казалось легкое пулевое ранение, которое потребовало почему то 8 операций. Невольно вспоминается, что в своем рапорте генералу Деникину от 27-го сентября, Дроздовский обращал его внимание на ужасное состояние санитарной части, на отсутствие ухода, небрежность врачей, плохую пищу, грязь и беспорядки в госпиталях; на большое количество ампутаций после легких ранений — результат заражение крови.

Да и сам генерал Деникин в «Очерках Русской Смуты» жалуется, что Д.-А. не могла справиться со своим тылом. Потому ли, что не удавалось найти настоящего организатора тыла, потому ли, что потрясающая бедность армейской казны и всеобщая моральная распушенность ставили непреодолимые затруднения.

А настоящий организатор был под рукой — полковник Дроздовский. Ему нужно было отвести не скромную роль начальника дивизии, а назначить Военным министром Добрармии, диктатором ее тыла. Его сверхчеловеческая энергия, его организаторский и административный таланты, которые он проявил и в Яссах и на походе и в Новочеркасске, свидетельствуют об этом. Полковник Дроздовский наладил бы снабжение армии и ее весьма примитивную медико-санитарную часть.

Твердой и жестокой рукой, он решительно подавил бы всякое самоуправство, всякий беспорядок в тылу. А главное — он сумел бы организовать новые дивизии на регулярных началах, произведя поголовную мобилизацию, в первую очередь, самих офицеров. С занятием Екатеринодара невероятно быстро стали пухнуть тылы Добровольческой армии, но не ее боевые части. 2/3 офицеров предпочитало лишь числиться в Д. А., а не с оружием в руках сражаться за честь и спасение Родины. И командование Д. А. невольно этому способствовало, позволяя создавать всевозможные полковые ячейки, охранные роты, запасные бронедивизионы, автомобильные и артиллерийские школы, в которых числилось по несколько сот человек. Одной такой школы было достаточно, чтобы дать кадр для целой дивизии.

8-го ноября 1918 года, полковник Дроздовский был произведен в генерал-майоры по Статуту Ордена Св. Георгия Победоносца.

25-го ноября, генерал Деникин приказом за № 191 приказал увековечить память Похода полковника Дроздовского Яссы-Дон установлением особой медали для награждения ею участников похода.

В декабре месяце положение ген. Дроздовского резко ухудшилось, ему пришлось ампутировать ступню, хотя он все время был против такой операции. 26 декабря он был перевезен в Ростов, в клинику своего друга профессора Напалкова, куда следовало бы отправить сразу после ранения. Профессор сделал ему еще раз операцию, но было уже поздно.

1-го января 1919 года генерал Михаил Гордеевич ДРОЗДОВСКИЙ скончался. Скончался он на Донской земле, которая была целью его Похода. И вместе с Офицерской ротой его 2-го Офицерского стрелкового полка, прибывшей из Никитовки, последнюю воинскую честь отдал ему и Лейб-Гвардии Казачий полк. Генерал Дроздовский, которому едва исполнилось 37 лет, был похоронен в Екатеринодаре.

Главкомандующим генералом Деникиным по поводу смерти Дроздовского был отдан приказ, перечислявший все этапы его славной боевой деятельности и кончавшийся словами.: «Мир праху Твоему, рыцарь без страха и упрека».

В память покойного генерал Деникин приказал 2-му Офицерскому стрелковому полку, впредь именоваться — «2-м Офицерским генерала ДРОЗДОВСКОГО стрелковым полком». Впоследствии, осенью 1919 г., вся 3-я пехотная дивизия получила наименование — ДРОЗДОВСКОЙ.

В феврале 1920 г., покидая Кубань, Дроздовцы вывезли из Екатеринодара гробы генерала Дроздовского и командира его батареи капитана Туцевича. По прибытии в Севастополь они на рассвете, тайно были похоронены на кладбище Малахова Кургана, под вымышленными именами. Посланный в Севастополь, во время немецкой оккупации Дроздовец, не нашел даже следов и самого кладбища.

Но память о генерале Дроздовском продолжает жить в сердцах его последних уцелевших Дроздовцев и его славное имя вошло в легенду Истории. В 50 ление смерти нашего любимого Шефа склонимся и молитвенно помянем его светлую память и всех его Дроздовцев, павших в бесчисленных боях.

«Часовой» № 2 (512) /1969 г.